

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Международный центр изучения русской философии

**ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ:
ПОЛИЛОГ ТРАДИЦИЙ**

**Санкт-Петербург
2020**

УДК 101.8 +303.01 +303.446.23 +93/94 +929

ББК 87.3(2)+63.3

И73

Утверждено к публикации Ученым советом Социологического
института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Рецензенты:

д-р социол. наук, проф. *М. В. Масловский*

д-р филос. наук, проф. *Е. Г. Соколов*

Интеркультурная философия: полилог традиций:

Сб. трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас.

СПб.: Интерсоцис, 2020. – 282 с.

ISBN 978-5-94348-048-5

В сборнике публикуются тезисы докладов и статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на Седьмых международных чтениях «Интеркультурная философия: полилог традиций», проходивших 24–26 сентября 2020 г. в Социологическом институте РАН – филиале Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН при участии Международного центра изучения русской философии.

Для всех интересующихся русской философией и культурой, социологией, историографией.

DOI 10.31119/interculturalphilosophy2020

При поддержке

Российского фонда фундаментальных исследований

(грант № 20-011-20008)

ISBN 978-5-94348-048-5

© Интерсоцис, 2020

© Авторы статей, 2020

Баринов Дмитрий Андреевич

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Сидорчук Илья Викторович

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Санкт-Петербургский гос. ун-т

«У НАШЕЙ НАТАЛЬИ ВСЕ ЛЮДИ КАНАЛЫ»:

ДМИТРИЙ МАРТЫНОВИЧ МИХАЙЛИН – ДЕКАН ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ 1948–1951 ГГ.¹

Аннотация. Статья посвящена биографии Дмитрия Мартыновича Михайлина, декана философского факультета Ленинградского университета с 1948 по 1951 гг. Для написания работы авторы обратились к ранее не введенным в научный оборот архивным материалам, которые позволили реконструировать основные вехи его жизни и дополнить представления по истории философского факультета Ленинградского университета. Авторы приходят к выводу, что деятельность Д. М. Михайлина в качестве руководителя одного из ведущих центров подготовки философов в стране можно оценивать исключительно негативно. Он не только последовательно проводил «очистку» факультета от «космополитов», но и развалил научную и преподавательскую работу, сокращая штаты и не допуская к защите диссертаций. Будучи полностью несостоятельным в качестве ученого или педагога, Д. М. Михайлин являлся во многом типичным для позднесталинского периода развития науки беспринципным приспособленцем и карьеристом, готовым на слепое следование любым, даже самым абсурдным властным установкам.

Ключевые слова: история науки, история философии, Ленинградский университет, Д. М. Михайлин, космополитизм, наука и власть.

Позднесталинские годы стали одним из самых тяжелых периодов для истории отечественной науки и образования, характеризующимся масштабной перестройкой политики в этих областях с целью продвижения национально-патриотической идеи, борьбы с космополитизмом и достижения абсолютной политической лояльности интеллигенции. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых о наиболее драматичных сюжетах научной жизни (лысенковщина, марризм, «низкопоклонство перед Западом», борьба за национальные приоритеты в науке и технике и др.) [1–6] позволяют получить представление о климате эпохи и тех условиях, в кото-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00071 «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования».

рых приходилось существовать научному сообществу. Ученые зачастую были вынуждены подстраиваться под государственный заказ, что могло приводить к торжеству весьма сомнительных подходов и направлений и негативно сказываться на качестве их исследований. Реализация деструктивных проектов зависела в том числе и от руководящих кадров на местах, значительную часть которых составляли далекие от истинной науки персонажи, сделавшие карьеру исключительно благодаря активному участию в борьбе с очередными врагами на идеологическом фронте.

Одним из подобных антигероев являлся декан философского факультета Ленинградского университета с 1948 по 1951 г. Дмитрий Мартынович Михайлин. Для специалистов по истории высшей школы привычно видеть во главе университетов, институтов, а также их факультетов и отделений известных ученых, преподавателей и профессоров, для которых административные должности являются своего рода признанием их академических заслуг. Михайлин – является заметным исключением. Информация о нем крайне скудна – в литературе нельзя встретить не только его биографии или ссылок на научные труды, но даже и дату его рождения или сведения об образовании. Собрав материалы личных дел, воспоминаний и внутриуниверситетской документации, мы попытались реконструировать биографию этого неизвестного декана и дополнить представления об истории философского факультета Ленинградского университета.

Михайлин родился в сентябре 1899 г. в деревне Плюсково Калужской губернии в многодетной семье крестьянина-батрака, вместе с ним росло четыре брата и две сестры [7]. До 1916 г. жил в деревне, где окончил сельскую школу [8]. Согласно анкете, в 1916–1919 гг. работал плотником в Брянске, Курске и Серпухове. В 1919–1920 гг. служил в рядах Красной Армии, однако в боях не участвовал.

После армии перешел на партийную службу, в 1921–1922 гг. являлся секретарем ячейки комсомола в родной деревне. В это же время занялся образованием: являлся курсантом губсопартшколы школы Козельска (1921–1922) и Калуги (1922–1923). В 1923–1926 гг. работал в Калужской партийной школе в качестве преподавателя. Там же в 1924 г. вступил в ряды РКП(б).

В 1926 г. Михайлин переехал в Москву и начал учебу в Академии коммунистического воспитания. Окончив ее в 1930 г., продолжил обучение в аспирантуре (которое так и не завершил). Во время учебы с ним произошел неприятный инцидент. В 1931 г. весь партком Академии коммунистического воспитания получил взыскание (от Фрунзенского районного комитета ВКП(б) Москвы) «за проявление гнилого либерализма к троцкизму» [9]. Уже в 1950-х гг. Михайлин пытался его снять, однако безуспешно.

Хотя Михайлин не имел ни ученой степени, ни звания, ни большого преподавательского стажа, в начале 1930-х гг. его карьера в столице резко пошла вверх. В 1932–1934 гг. он являлся деканом философского факультета

Коммунистического университета преподавателей общественных наук, в 1934–1935 гг. он заведовал аспирантурой во Всесоюзном коммунистическом сельскохозяйственном университете им. Свердлова. После работы «по специальности» Михайлин продолжил свое образование, поступив в 1935 г. в Институт Красной профессуры, что, вероятно, помогло ему получить в 1938 г. звание доцента.

После окончания Института год (1938–1939) он проработал на партийной должности в комитете по делам искусств при СНК СССР. В 1939–1941 гг. являлся членом аппарата ЦК ВКП(б), в годы войны был эвакуирован в Ташкент, где до 1943 г. работал в ЦК КП(б) Узбекистана. Оттуда был переведен на другую партийную должность в г. Орел, где прожил до 1947 г., преподавая в местном Педагогическом институте. За работу в годы войны Михайлин получил Орден «Трудового Красного знамени» и медаль «За доблестный труд».

В 1947 г. Михайлин предпринял новую попытку окончить аспирантуру, на этот раз успешную: в 1948 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялась защита его диссертации «Н.Г. Чернышевский – критик немецкой идеалистической философии». Надо сказать, что о печатных трудах Михайлина ничего неизвестно: в 1935 г. он прямо писал, что печатных трудов не имеет [10]. В дальнейших анкетах и автобиографиях указывал только на защищенную диссертацию. Впрочем, имеются сведения, что в начале 1950-х он работал над докторской по теме «В.И. Ленин и И.В. Сталин об основных вопросах истории русской философии», которую готовил в Институте философии АН СССР [11]. Очевидно, она так и не была защищена, в том числе из-за сменившейся политической конъюнктуры.

После защиты диссертации и получения степени кандидата философских наук Михайлин был переведен в Ленинград, где возглавил философский факультет ЛГУ. Возникает справедливый вопрос – как человек, не имевший ни научного признания, ни опыта преподавания в крупных вузах, и даже не являясь крупным партийным чиновником смог возглавить факультет одного из самых престижных университетов страны? Наиболее очевидный аргумент в пользу такого назначения – подготовка к «Ленинградскому делу», для проведения которого требовался опытный партийный работник с незапятнанной репутацией и надлежащим социальным происхождением. Справедливо также предположить, что длительная работа в Москве помогла обзавестись необходимыми связями, которые позволяли в течение 7 лет занимать высокие посты в Ленинграде.

В личном деле хранится отзыв за первый год его работы на посту декана, написанный членом партбюро факультета К.П. Панкратовым. Его текст, выдержанный в духе партийной риторики, сообщает о том, что Михайлин «навел порядок», руководит «вдумчиво, но по-деловому критически» [12]. На посту декана Михайлин старался последовательно проводить в жизнь уста-

новки в отношении науки, транслировавшиеся сверху. В первую очередь, речь шла о борьбе с космополитизмом и «очистке» факультета от нежелательных сотрудников.

За дело новый декан взялся решительно. В частности, в марте 1949 г. на закрытом собрании факультета он выступил с докладом «Задачи партийной организации философского факультета в борьбе с космополитизмом в науке, искусстве и философии», в котором заклеил космополитизм «идеологией современного империалистического мира», служащего «для разнузданной деятельности самых реакционных сил англо-американского империализма» [13, л. 63]. Он также обозначил, что «безродные космополиты, антипатриоты в нашей стране стремились подорвать основы социалистической культуры, вели свою подрывную работу против всего нового, коммунистического в нашей литературе, в искусстве, науке и философии» [13, л. 63]. Признавалось, что борьба с ним еще достаточно не развернута и «некоторые научные работники Университета и философского факультета выступали проповедниками идей космополитизма, объективизма и аполитичности, не получая современного и должного отпора со стороны партийной и научной общественности» [13, л. 64]. На факультете среди объектов атаки нового декана оказался целый ряд преподавателей и сотрудников. Так, утверждалось, что «в течение продолжительного времени на философском факультете доц. Андреевым [Николай Николаевич Андреев (1876–1954), доцент кафедры истории философии. – *Д.Б., И.С.*] читались антимарксистские курсы истории русской философии и истории социологических учений, в которых доц. Андреев грубо извращал историю русской философии и проповедовал космополитические идеи». Пристального внимания удостоился и М.И. Шахнович: «Только благодаря отсутствию должной большевистской бдительности могла выйти в свет вредная антимарксистская книга члена кафедры истории философии космополита М. Шахновича («От суеверия к науке»). До последнего времени работниками факультета не был вскрыт антимарксистский, объективистский характер курсов истории религии и атеизма, а также и теории этики, читаемых доц. Шахновичем» [13, л. 64–65]. Также звучали выпады против доцентов Г.Л. Зельмановой, З.Н. Мелешенко и В.И. Свидерского. Последний «проявил низкопоклонство перед буржуазной наукой (Гейзенберг, Шредингера, Бор и др.) и умалил роль и значение советской физики в развитии мировой науки. Это явилось следствием того, что В. Свидерский предал забвению ленинский принцип партийности науки, стал на немарксистские позиции буржуазного объективизма» [13, л. 65]. Уже в октябре 1949 г. Михайлин констатировал, что факультет очистился от значительного числа «космополитов» [14, л. 167]. Среди уволенных, в частности, был и признанный психолог, и педагог А.В. Ярмоленко.

Современники, имевшие возможность опубликовать мемуары в более позднее время и без цензуры, не оставили о Михайлине позитивных отзывов.

Не обходилось и без абсурдных, на первый взгляд, но типичных для эпохи обвинений. Так, выпускник философского факультета 1952 г. Л.Н. Столович вспоминал: «Новый декан – некто Михайлин, бывший секретарь какого-то провинциального обкома, был личностью психопатологической <...> При Михайлине было запрещено читать лекции по физике студентам философского факультета одному из лучших наших преподавателей, профессору Григорию Самуиловичу Кватеру, за то, что он однажды сказал на лекции, что закон всемирного тяготения действует в Москве так же, как в Лондоне» [15, с. 118].

Помимо борьбы с «космополитами» не меньше внимания (согласно его словам) декан уделял вопросу подготовки студентов и аспирантов. Основную задачу он видел в подготовке «настоящих философских кадров-большевиков» [14, л. 168]. Для этого было необходимо «воспитывать наших студентов на идеях Ленина и Сталина», изучения биографий которых он требовал от преподавателей [16, л. 226]. Основной задачей в работе с аспирантами он видел подготовку их «должным образом», необходимость «обеспечить и потребовать своевременной защиты диссертаций» [14, л. 167].

Сам Михайлин читал курсы о творчестве Н.Г. Чернышевского и по истории русской философии. В лекциях о Н.Г. Чернышевском он находил возможность и для высказываний на злобу дня: «Безродный космополит опирачивал не только великую нацию Советского народа, но и всячески извращал благородные традиции лучших представителей русского народа в прошлом <...> Пленум Областного комитета партии подчеркнул мысль, что отдельные космополиты в нашей стране оказались зараженными крупными пороками в области критики, космополитические взгляды протаскивались и в области философской и экономической науки, гражданской истории. Подчеркивая эту мысль, пленум делает вывод <...> задача советских философов – вести борьбу с проявлением буржуазной идеологии в лице некоторой части советской интеллигенции», – так Михайлин актуализировал критику Н.Г. Чернышевским творчества немецких философов-идеалистов [17, л. 23, 25].

Исторический курс был построен на пересказе биографий известных общественных и политических деятелей, начиная с И.Т. Посошкова [18, л. 2]. Как отмечает в своей статье В.Г. Иванов, лекции по истории философии не были подготовлены им самостоятельно, он пользовался выписками из «Очерка русской философии» Э.А. Радлова, которые сделала для него лаборант. Вот как описывали атмосферу, царящую на его занятиях: «Почтенный лектор читал курс в буквальном смысле, не отрываясь от текста, однако запинаясь на каждом слове, что же до аудитории – она жила “сама по себе”, не затрудняясь вслушиванием в не очень внятное бормотание с кафедры» [19, с. 26–27].

Этот недостаток отмечался и коллегами Михайлина по факультету. Об этом говорилось и на факультетских партсобраниях. Так, в Партсобрание от 2 апреля 1951 г. по итогам слушания доклада секретаря партбюро т. Чупахина

на постановило: «Слабо организован контроль за качеством проводимых на факультете занятий. До сих пор имеют место случаи сухих, неинтересных лекций, семинарских занятий, с недостаточно обоснованными теоретическими положениями (т.т. Иванов, Михайлин, Ананьев) и разноречивой в ряде теоретических вопросов» [20, л. 15].

Несмотря на последовательное стремление отстаивать позиции партии и способность оперативно адаптироваться под быстро меняющуюся конъюнктуру и изменения в научной и образовательной политике, уже в 1950 г. Михайлин начал подвергаться критике. На закрытом партийном собрании факультета 17 апреля 1950 г. после его доклада о работе факультета, член парткома тов. Топылов указал, что «в партийном комитете имеются отдельные сигналы о неблагополучии на философском факультете» [21, л. 2]. Он также заявил, что доклад был «чисто бухгалтерский, партийного анализа состояния работы в нем не было. Нужно быть действительно коммунистом, уметь решительно не только вскрывать, но и устранять недостатки» [21, л. 2]. Наиболее яркий выпад против декана сделал аспирант Васечко, заявивший, что у Михайлина «нет большевистского, чисто партийного руководства факультетом»: «Нужно всегда бороться за новое, Вы же беретесь за старое, отжившее, гнилое, что тянет вниз» [21, л. 6]. По мнению аспиранта, Михайлин в кадровой работе цеплялся «за гнилых людей», окружил себя не квалифицированными специалистами, докторами и профессорами, а студентами и аспирантами. Тов. Топылов, хоть и признал доклад Васечко клеветническим, также обратил внимание на кадровый вопрос и отсутствие защищенных диссертаций: «Создалось ненормальное положение с кадрами. На факультете квалифицированных преподавательских кадров единицы. Речь идет о подготовке наших партийных философских кадров. Из года в год декан тов. Михайлин не допускает к защите готовые диссертации. Надо выдвигать молодые кадры» [21, л. 13]. Подводя итог собранию, инструктор Горкома ВКП(б) тов. Калиновский, признал выступление Топылова верным, хотя и призвал не валить все шишки на декана. Впрочем, подавляющее большинство выступавших все еще поддерживало декана, отмечая его заслуги в борьбе с космополитизмом на факультете.

Среди главных проблем факультета была низкая кадровая обеспеченность. Нежелание Михайлина решить ее настраивало против него значительную часть подчиненных. Это, в частности, широко обсуждалось при подведении итогов 26 партконференции Василеостровского района и IV Университетской партконференции и задачах парторганизации философского факультета в мае 1950 г., где критика со стороны подчиненных зазвучала громче. Доцент кафедры диалектического и исторического материализма П.Г. Степанов жаловался парторганизации факультета на то, что на его кафедре из-за нехватки преподавателей (после увольнений) он был вынужден пригласить преподавателей со стороны (Института им А.И. Герцена и Военно-медицинской академии), однако Михайлин сначала всячески задерживал

их прием, а потом не платил зарплату [22, л. 41-43]. Задерживали зарплату и самому П.Г. Степанову: «На мои неоднократные просьбы к доц. Михайлову распространить действие Сталинской Конституции на меня – основным законом которой является от каждого по способностям, а каждому по труду – Михайлина всегда мне заявлял: вопрос согласован, зарплату получите. При проверке я каждый раз получал разочарование» [22, л. 43]. Степанов также обратил внимание на то, что декан не допускает к защите ни одной диссертации: «На факультете имеется свыше десятка диссертаций, которые ждут своей защиты. Некоторые диссертации лежат свыше двух лет. Даже авторефераты, по которым диссертации разосланы около года тому назад (Лифанов, Романов). Настроение у диссертантов естественно тяжелое. С октября 1948 г. не было защиты ни одной диссертации. Причина этого одна – перестраховки, наплевательское отношение к кадрам, не только работающим на философском фак-те, но и к тем философам Ленинграда, которые представили на философский фак-т для защиты диссертации» [22, л. 44]. Михайлин говорил, что будет допускать диссертации только после того, как сам их прочтет, но за 1949–1950 г. ни с одной диссертацией подобного не произошло. Степанов постарался ударить декана и в самое больное место – подозрение в троцкизме в начале 1930-х гг.: «Для троцкистов характерно издевательское отношение к кадрам, преданным Советской Родине. Это общеизвестно. Тов. Михайлин получил выговор за примиренческое отношение к троцкистам. Историю борьбы нашей партии с троцкистами он обязан хорошо знать и не забывать. Казалось бы, он не должен в своих действиях, поступках к кадрам, преданным нашей Родине допускать ничего такого, что бы напоминало действия троцкистов. Почему же тов. Михайлин и ныне относится к кадрам так, что невольно его отношение к ним связывается с отношением троцкистов к преданным Советской Родине кадрам. Мой вывод такой – я считаю недопустимым на посту декана философского фак-та и заведующего двумя кафедрами человека, который своими действиями в прошлом связал себя с троцкистами, а ныне в практике применяет те методы, которые создают массовое недовольство» [22, л. 45].

Профессор М.В. Серебряков на том же заседании призвал необходимым «констатировать, что среди научных работников Д.М. Михайлин не пользуется никаким авторитетом», а в своей работе «совершает ошибку за ошибкой» [22, л. 60]. В итоге партсобрание признало заслуги Михайлина в деле очистки факультета от чуждых элементов, но постановило, что руководство и партбюро факультета «недостаточно работали для сплочения профессорско-преподавательского коллектива и студенческого актива», а декан «не проявил достаточного внимания и заботы о кадрах на факультете» [22, л. 76].

Несмотря на рост критики работы факультета, в том числе и в прессе, Михайлин умудрялся счастливо избегать увольнения. Возможно, свою роль играли его связи в министерстве или покровительство со стороны других сил.

В своей политике он продолжал придерживаться изначально взятого курса, что лишь накаляло обстановку и увеличивало рост недовольства.

Финал карьеры Михайлина на факультете пришелся на осень 1951 г. В решении общего закрытого партийного собрания философского факультета от 3-9 октября 1951 г. после обсуждения отчетного доклада секретаря партбюро тов. Чупахина о работе партбюро философского факультета за период октябрь 1950 г. – сентябрь 1951 г. было принято решение признать «работу партийного бюро за истекший период неудовлетворительной» [23, л. 54]. Деятельность декана получила следующую характеристику: «Партийное собрание отмечает, что т. Михайлин, будучи деканом факультета и зав. кафедрой истории философии, практиковал неправильный, непартийный, порочный стиль руководства. Тов. Михайлин систематически зажимал критику и самокритику, преследовал коммунистов за критику в его адрес (Андреев, Курчиков, Дроздов, Караваев и др.). В своей работе т. Михайлин насаждал бюрократизм, недовольство, не гнушаясь при этом подлогами и клеветой (Панкратов, Кедров, Серебряков и др.), запугиваниями (коммуниста Караваева, б/п Луканик [нрзб. – Д.Б., И.С.]), что приводило к ослаблению и разобщенности коллектива.

Все поведение тов. Михайлина раскрывает его моральный облик, не совместимый с высоким званием члена партии.

Поэтому партийное собрание обязывает партбюро привлечь т. Михайлина к строгой партийной ответственности» [23, л. 56].

Резкая критика в адрес Михайлина звучала от студентов и аспирантов. В частности, аспирант 3-го курса Казаков на отчетно-выборном закрытом партийном собрании факультета от 8–9 октября 1951 г. заявил: «До сего времени партбюро не заняло принципиальной позиции по отношению к т. Михайлину, и человека, развалившего работу, увольняют “по собственному желанию”. И я думаю, что надо поставить все точки на т. Михайлине, моральное лицо которого нечисто, который оценивал нас по пословице “У нашей Натальи все люди каналы”. Мы не преувеличиваем роль личности, говоря здесь о т. Михайлине, как выразился сейчас тов. Тугаринов, но вы знаете поговорку, что паршивая овца все стадо портит. Мы все, поработавшие с Михайлиным более 3 лет, хорошо уже его изучили. Он пользуется ложью (примеры) и клеветой (примеры), бюрократ и зажимщик критики и самокритики. Это не похожий на коммуниста человек. Когда мы думаем об этом человеке – удивляемся, как может такой человек руководить на философском факультете в 1951 году. И партбюро должно подвести “итоги” его работы и непартийных поступков» [24, л. 14].

В 1951 г. Михайлин покинул должность декана, а уже в 1952 г. ушел из университета, возглавив Ленинградский филиал Музея В.И. Ленина. На новом месте, очевидно, он также не смог сработаться с коллективом. В личном деле можно найти справку с такой оценкой его пребывания во главе музея: «Тов. Михайлин не сумел установить нормальных отношений с коллективом,

допускает высокомерное, пренебрежительное отношение к работникам филиала, проявляет формализм в работе, в результате чего потерял всякий авторитет у коллектива филиала. Коммунисты парторганизации филиала дважды не избрали т. Михайлина в состав бюро на партконференцию». Иллюстрацией такому поведению вновь могут послужить воспоминания Л.Н. Столовича: «Он теперь имел в распоряжении Мраморный дворец, ездил на ЗИСе. Рассказывали, как он вызывал художника, написавшего по заказу музея портрет Ленина, и выносил вердикт: “Этот портрет написан с троцкистских позиций!”» [15, с. 118].

Получив несколько предупреждений от райкома и обкома КПСС, Михайлин «выводов не сделал» и продолжал «руководить коллективом порочными методами» [25]. В ноябре 1954 г. он был снят с должности директора и, после отпуска в марте 1955 г. назначен лектором отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС. На новой должности он также долго не задержался и из-за невозможности устройства на полную ставку летом был переведен в ЛГПИ им. Герцена на должность преподавателя кафедры философии.

В 1956 г. Михайлин переехал в Тамбов, где занял должность заместителя директора по учебной части Педагогического института [26]. Известно, что он был дважды женат, имел 3-х сыновей и 2-х дочерей [27]. В 1959 г. вышел на пенсию, получив повышенную республиканскую. О дальнейшей его судьбе сведений найти не удалось.

Личность Михайлина и его судьба отражает всю сложность и противоречивость социальных, политических и культурных особенностей советской истории. С одной стороны, именно большевистская власть дала возможность невиданной до этого социальной мобильности, позволявшей молодым людям, вчерашним крестьянам, делать завидную карьеру. С другой стороны, в науке среди них были далеко не только истинные таланты, но и беспринципные приспособленцы, готовые на слепое следование любым, даже самым абсурдным установкам. Именно таким выскочкой являлся Михайлин, в силу невероятной общественной и политической конъюнктуры занявший руководящую должность в одном из старейших и ведущих научных центров страны. Он был последовательным проводником сталинистской политики в области науки, и не будучи ученым сам, был готов ломать судьбы тех настоящих ученых, чьи имена и труды, в отличие от его собственных, известны до сих пор.

Литература:

1. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М., 2005. – 768 с.
2. *Borejsza J.W.* Stalin and cosmopolitanism (1945-1953) [Staline et le cosmopolitisme (1945-1953)] // *Vingtieme Siecle: Revue d'Histoire*. 2010. Vol. 108. Issue 4. P. 113–126.

Высшая школа Петербурга и петербургская философия

3. *Borinskaya S.A., Ermolaev, A.I., Kolchinsky, E.I.* Lysenkoism against genetics: The meeting of the Lenin all-union academy of agricultural sciences of august 1948, its background, causes, and aftermath // *Genetics*. 2019. Vol. 212. Issue 1. P. 1–12.
4. *Gordin M.D.* How Lysenkoism Became Pseudoscience: Dobzhansky to Velikovsky // *Journal of the History of Biology*. 2012. Vol. 45. Issue 3. P. 443–468.
5. *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist culture at work: Science and the games of intraparty democracy circa 1948 // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. Issue 1. P. 25–52.
6. *Sidorchuk I.V.* “Combating bourgeois pseudoscience”: a campaign for national priorities in science and technology and Soviet higher education institutions // *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*. 2020. Vol. 43. Issue 1. P. 354–365.
7. [Михайлин Д.М.] Автобиография. 1949 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 93. Д. 1059. Л. 5.
8. [Михайлин Д.М.] Автобиография. 1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1053. Л. 4.
9. [Михайлин Д.М.] Личный листок по учету кадров. 1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1053. Л. 1об.
10. Выписка из приказа № 167 Ректора Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова, гор. Москвы. 27.07.1935 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5521. Оп. 43. Д. 50. Л. 4.
11. [Записка] в Василеостровский РК ВКП(б). 1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1053. Л. 7об.
12. Отзыв руководителю кафедры истории философии, декану философского факультета доценту Михайлину Д.М. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 93. Д. 1059. Л. 12.
13. Постановление закрытого собрания философского факультета ЛГУ по докладу декана факультета тов. Михайлина Д.М. «Задачи партийной организации философского факультета в борьбе с космополитизмом в науке, искусстве и философии». Приложение к протоколу № 4 от 21–23 марта 1949 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 128. Л. 63–70.
14. Протокол № 9 Закрытого партийного собрания парторганизации философского факультета ЛГУ от 10–12.10.1949 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 128. Л. 160–169.
15. *Столочив Л.Н.* «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // *Социологический журнал*. 2010. № 4. С. 113–135.
16. Протокол № 10 закрытого собрания парторганизации философского факультета ЛГУ им. Жданова от 16 декабря 1949 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 128. Л. 221–231.
17. Стенограмма лекции доцента Д.М. Михайлина по курсу философии на тему: «Общественно-политические взгляды Н.Г. Чернышевского» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 15. Д. 151.
18. Стенограмма лекции доцента Д.М. Михайлина по курсу истории русской философии // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 15. Д. 152.
19. *Иванов В.Г.* Время Тугаринова: эпоха возрождения философского факультета // *Тугариновские чтения: Материалы научной сессии. Серия «Мыслители»* Выпуск

Научные статьи

1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 26–30.
20. Решение Партсобрания философского факультета ЛГУ от 2 апреля 1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 6. Д. 107. Л. 15–16.
21. Протокол закрытого партийного собрания философского факультета ЛГУ от 17 апреля 1950 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 3. Д. 213. Л. 1–29.
22. Протокол общего закрытого партийного собрания парторганизации философского факультета ЛГУ от 25-26 мая 1950 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 3. Д. 213. Л. 41–85.
23. Решение общего закрытого партийного собрания философского факультета ЛГУ от 3-9/X-1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 6. Д. 107. Л. 54–57.
24. Протокол №1 Отчетно-выборного закрытого партийного собрания философского факультета ЛГУ от 8-9 октября 1951 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 6. Д. 107. Л. 9–20.
25. Справка о т. Михайлине Д.М. – директоре Ленинградского филиала Центрального музея В.И.Ленина // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1053. Л.15–15об.
26. Справка об установлении персональной пенсии Д.М. Михайлину. 1959 г. // ГАРФ. Ф. 539. Оп. 6. Д. 7368. Л. 4.
27. [Михайлин Д.М.] Автобиография // ГАРФ. Ф. 539. Оп. 6. Д. 7368. Л. 11.